

КВАНТОВОЕ БЕССМЕРТИЕ

量子自杀

liàngzǐ zìshā

开莉麻

Kaili Xiu

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Kaili Xiu

**Квантовое Бессмертие:
Под Водой (1 том)**

«Автор»

2026

Kaili Xiu

Квантовое Бессмертие: Под Водой (1 том) / Kaili Xiu — «Автор»,
2026

Луна, став полной, пойдёт на убыль, а вода, наполнив ёмкость, польётся через край. Ничто в мире не вечно, и даже самые, казалось бы, неизменные вещи когда-нибудь разрушатся, обратившись в прах. Выстраиваемое и восстанавливаемое сотню лет за считанные секунды способно стать горсткой пепла на выжженной земле. Одним колебанием струн две совершенно разные вселенные столкнутся, повернув ход событий в ином направлении. Только вот, однажды проснувшись в новом мире абсолютно никем, можно ли вновь достигнуть удела "богов" и, при этом, не потерять прежнего себя?..

© Kaili Xiu, 2026

© Автор, 2026

Kaili Xiu
Квантовое Бессмертие: Под Водой (1 том)

Пролог «Скетчбук и книга по астрофизике»

Введение

Identity – TAEMIN (SHInee)

Что вы знаете о чёрных дырах? Да, именно о тех неизведанных формах материи, что с невероятной скоростью способны стереть в порошок сотню звезд. На что же похожа одна из самых больших загадок цивилизации на самом деле? И хоть человеческий разум вряд ли способен понять творение тессеракта*, порой находят те, кто желает преодолеть эту установку.

Людам уже давно известно, что если только пересечь горизонт событий, то назад дороги уже не будет. Многим хочется узнать, что же скрыто за непроглядным мраком, но возможно ли это?

Говорят, где-то в «конце» чёрных дыр существует область сингулярности, и, наверное, ни одной цивилизации никогда не было и вряд ли будет доподлинно известно, что же она из себя представляет. Пространство и время в ней искажаются, закручиваясь в обратном направлении; замыкаются на себе же самих, создавая бесконечный круг материи, не подвластной никаким известным миру законам, и из которой невозможно выбраться назад.

Но так ли это невозможно на самом деле?

Вселенная относительно и пропорциональна, а значит, на каждый минус найдётся свой плюс, и нет ничего, что бы ни соответствовало этому правилу. На каждую область сингулярности найдётся пространство абсолютной свободы.

Но разве может «конец» сингулярности именоваться свободой? Да и существует ли эта «свобода» на самом деле.

Не было за все миллиарды лет существования вселенной того, кто бы об этом не думал.

Для всех данное понятие имеет разное значение, но порой люди всё же сходятся на одном – пока человек жив, он никогда не познает абсолютной свободы.

Но сможет ли тогда он почувствовать её хотя бы после смерти?

Каждый раз, задавая этот вопрос, стоит спросить также: «А существует ли вообще смерть?». Что происходит с человеком, как только он навсегда закрывает глаза? Сколько бы все не ломали над этим головы, ответить наверняка невозможно.

Где-то во вселенной сто тысяч галактик сплетаются в одно из сверхскоплений «нитей космоса» – ланиакею – в попытках достигнуть центра, именуемого людьми великим аттрактором*. Никто никогда точно не видел его, но известно, что эта область гравитационной аномалии способна соединить собой даже самые отдаленные частицы.

И это ведь лишь одно из сверхскоплений галактик только видимой вселенной, а сколько их за её пределами?..

Порой, слушая рассказы об этом, в голову невольно приходит мысль: «А может ли вообще что-то в этом мире иметь конец?»...

А на что вообще может быть похож конец?

Более тринадцати миллиардов лет назад произошёл большой взрыв, положивший всему начало, и с тех пор вселенная непрерывно расширяется. Она растёт, создаёт в себе новые и новые формы материи, жизни, но даже это не вечно.

Существует теория, что как только она достигнет определённых размеров, расширяться больше будет некуда и всё это пространство начнёт сжиматься.

Квазар за квазаром, галактика за галактикой, звезда за звездой – всё это начнёт сталкиваться, поглощать друг друга, пока в один момент не схлопнется в одну точку!

Секунда... Две... Три... Взрыв!

В один миг вся та материя с бешеной скоростью вырвется на свободу, и цикл начнётся вновь.

Жизнь циклична, многое в ней может повторяться вновь и вновь, пока человек будет попросту ходить по этому бесконечному кругу, словно узник во временной петле. И каждый его шаг будет храниться в сотнях фрагментах пространства времени, запертого в струнах п-бран*.

Существует мнение, что порой душевная пустота очень напоминает собой бесконечную область сингулярности «конца» чёрной дыры. Они ведь действительно похожи – обе также заполняют собой всё пространство и обе также неизведанны. И из обоих нет выхода.

Но не только человеческая душа способна сравниться с ней.

Как говорилось ранее, во всей этой вселенной сотни тысяч миллиардов галактик, и у каждой из них есть своя собственная история; и кто знает, может быть, среди них есть те, что больше походят на параллельные миры – миры теории квантового бессмертия.

Согласно этой теории ничто в этом мире не способно полностью умереть. Навсегда закрывая глаза в одном мире – непременно проснешься живым в другом.

Но так ли это?

Говорят, луна, став полной, пойдёт на убыль, а вода, наполнив ёмкость доверху, польётся через край*.

Так может это относится и жизни?

Под звуки циня всё может закончиться в один миг – струны порвутся, и вселенная распадется на части.

И нельзя предугадать, начнётся это через восемь лет или уже сегодня. Никому ведь неизвестно, когда солнце в последний раз зайдет за горизонт?..

Вечерний сумрак опустился на города поднебесной, окутывая своей дымкой небоскрёбы и бесконечные линии маглева. Но прохладный осенний ветер резко сменился на обжигающе горячий поток воздуха, а в небо взмыли столбы дыма и пепла. За секунды пламя охватило большие здания государственных монополий, и остановить его было уже невозможно: горизонт событий пройден.

Вся Земля стала похожа на звездное небо с сотней сияющих созвездий, чья разрушительная сила стирала годы эволюции в прах, отражающийся в зеркале заката судного дня.

Примечания:

*– тессеракт – или же гипер куб, – четырёхмерный куб, его концепция использовалась при построении пространства сингулярности в Интерстелларе.

*– великий аттрактор – часть свехскопления галактик Ланиакее, а также гравитационная межгалактическая аномалия.

* –п-брана – Согласно М-теории это протяжённый объект, с двумя или более измерениями (очень и очень короткое объяснение).

* – Луна, став полной, пойдёт на убыль, а вода, наполнив ёмкость доверху, польётся через край – В оригинале «##### (yuè mǎn zé kuī, shuǐ mǎn zé yì)» – Китайская идиома, означающая, что всё, достигнув своего пика, пойдёт в упадок.

В данной главе присутствуют элементы нецензурной лексики, а так же упоминается: торговля людьми, проституция, подпольные казино, наркоторговля и убийства. Читая, помните, что подобное – явное нарушение закона!

Heaven – Taemin

TRICKY HOUSE – xikers

2166 год, Шанхай, 8 лет до трагедии в Дасин

День клонился к вечеру. Городские аллеи и проспекты вновь наполнились людьми, спешащими по своим делам. Солнечные лучи переливались в панорамных окнах небоскрёбов, падая на небольшие улочки старого города*, наполненные разнообразными кафе и ларьками с уличной едой.

Именно такие места всегда полны молодёжи, желающей хоть на миг отдохнуть перед бессонной ночью за учёбой. Но если младшие или средние классы ещё могли позволить себе погулять подольше, то старшеклассники или студенты – нет.

Грузили преподаватели так, будто они должны ночевать в библиотеке за экраном ноутбука и питаться одним кофе лишь бы не вылететь из вуза или хотя бы поступить туда. И именно тогда, когда, кажется, что ещё день, и ты упадешь на три метра под землю от переутомления, жизнь подкидывает такие вечера.

Резкий запах острой еды – ада иностранцев – смешивался с прохладным осенним туманом, что лёгкой дымкой окутывал крыши домов. Крики продавцов, зазывающих клиентов перекусить их фирменными баоцзы; компании друзей, смеющихся где-то за столиком закуской; парочки, постоянно обнимающиеся и держащиеся за руки – ничего необычного, но всё же, что-то своё, особенное в этом было.

Очередной луч закатного солнца сверкнул где-то вдалеке и отразился в просторном зале типичной кафешке на европейский манер, что есть буквально на каждом углу.

Из-за большой конкуренции и отсутствия оригинального концепта она не пользовалась особой популярностью, и оттого, даже в такой час, посетителей было по пальцам пересчитать:

На диванчике у окна трое офисных работников – правильнее будет назвать их офисным планктоном – устало потягивавших кофе, но, при этом, время от времени споривших о чём-то; парочка, за дальним столиком в противоположном конце зала, воркующая друг с другом так, будто сейчас не ранняя осень, а март; и молодой парень, на вид старшеклассник, – что было легко понять по одежде, напоминавшей школьную форму – расположившийся за барным столом у окна.

На столе – чашка с недопитым и уже давно остывшим американо; телефон с кейсом от наушников; и открытая тетрадь, исписанная сложными уравнениями и формулами, а рядом книга в чёрной обложке с сухим и простым названием «Астрофизика. Углубленный курс». В то время как в руках самого парня красовался скетчбук, в котором тот старательно что-то выводил. Пенал валялся где-то в рюкзаке, что принял то же положение у края стола, пока сам «недоучёный» сжимал в правой руке сразу механический карандаш и такой же ластик, постоянно меняя их местами с такой ловкостью, будто не рисовал, а палочками ел лапшу.

Свет от золотых лучей переливался в чёрных волосах, бывших ему до середины шеи, если не считать укороченные передние пряди, спадающие на бледное лицо. Небольшие прямоугольные очки, модного фасона без явной оправы на линзах, уже почти съехали с переносицы, но тут же быстро были возвращены на место.

Парень слегка наклонил голову, чтобы что-то подправить в рисунке, отчего серьга-каффа в правом ухе чуть дёрнулась, и цепочка с заострённым украшением на конце, закачалась, подобно маятнику.

Если бы не пятница, то он бы непременно не стал бы засиживаться в кафе так долго после школы, а сразу бы поспешил домой и за компанию с кружкой крепкого и сладкого чёрного чая провёл бы весь вечер за учёбой. И не то, чтобы парень и сейчас не пытался по привычке взяться за профильные предметы, но желание отдохнуть и вновь сделать пару набросков взяло своё.

Уведомления то и дело всплывали на заблокированном экране далеко не дешёвого смартфона, но тот не замечал, да и не хотел, их замечать. А в наушниках на репите крутилась песня из нового альбома любимой группы, заглушая собой все посторонние звуки.

И вся эта идиллия продолжалась бы ещё час как минимум, если бы музыку не прервал рингтон звонка и на телефоне не высветился входящий вызов от контакта, записанного одним простым иероглифом «Па»*.

Вздыхнув, парень почти сразу ответил и тут же поморщился:

– Сюэ-эр, где тебя черти носят?! Ты почему ещё не вернулся, а?

Громкий голос, принадлежавший мужчине, примерно сорока с чем-то лет, тут же зазвонел в голове, и парень несколько раз мысленно похвалил себя за то, что был в наушниках, но, в тоже время, недовольство от того, что его прервали от рисования так и переполняло. Он едва удержался от того, чтобы не бросить пару саркастичных фразочек в место нормального ответа:

– В кафе сижу, а что? Разве сегодня были какие-то планы на вечер? – В отличие от собеседника, упомянутый ранее Сюэ-эр старался говорить тише, чтобы не тревожить остальных в зале.

– Ладно, хорошо, – мужчина тут же вернул голосу спокойный тон, – А на сообщения, почему не отвечал? Написал бы, что остался погулять с друзьями, я бы тебя и не доставал.

– Я один, не с друзьями. Просто остался порисовать, щас уже пойду домой.

Собеседник ограничился простым «Угу» и сбросил вызов, давая музыке вновь заиграть, пока парень откинулся на спинку стула, устало прикрыв глаза.

Упомянутый ранее как Сюэ-эр или же, если точнее, Ли Сюэ* был единственным сыном известного учёного-исследователя, ранее вложившего огромный вклад в развитие космической сферы в две тысячи сто сороковые и пятидесятые годы и сколотившего на этом не только статус и уважение, но и неплохое состояние. Мать упомянутого ранее «недохудожника-недоастрофизика», – учёный-генетик из изветсной семьи Вэнь, – ушла от его отца через четыре года, после рождения сына, заявив, что ни его самого, ни ребёнка, никогда не любила и подала на развод. Больше в жизни парня она не появлялась, но не сказать, что это была очень весомая утрата. Не учитывая холод со стороны родительницы, у него с детства было всё: вроде бы хоть чуть-чуть любящий отец; деньги, причём не маленькие; статус; и место в частной школе.

Только вот, когда ему исполнилось пятнадцать, оказалось, что всё это юноше было не нужно. Единственное, что он хотел – стать известным художником, коих в нынешнем мире осталось немного. Тогда Ли Тянь* – так звали отца Ли Сюэ – на это лишь вздохнул, но отговаривать и навязывать своё мнение сыну не стал, хотя уж очень хотел, чтобы он продолжил его профессию и также подался в астрофизику – и жаль, что это его желание было слишком заметно.

Ли Сюэ же, хоть о будущем творческого человека и мечтал – расстраивать отца, на тот момент уже так много вложившего в его образование, всё же не хотел, и, убедив себя в том, что ему интересна космическая сфера, однажды заявил, что решил пойти по его стопам. И потом пожалел: у Ли Тяня будто снесло спусковой крючок и тот принялся рассказывать буквально всё, что только знал сам. Абсолютно всё. Парень порой думал, что у него голова расколется на части, от такого огромного водопада информации, но заставлял себя сидеть и учить всё, даже перевёлся в технический класс.

И об этом тоже потом пожалел.

Со временем он привык к этому: привык зубрить формулы; привык решать задачи для старших классов или курсов института; привык не спать ночами, лишь бы не отставать от остальных; привык заучивать всё так, что мог назвать страницу и абзац в книге, где говорилось про ту или иную тему.

Быть практически гуманитарием в обществе технарей было сложно, но и к этому он привык, даже сдружился с несколькими. Но всё это не мешало ему иногда, хоть по получасу в неделю, но рисовать и потом вешать удачные наброски на стену у письменного стола.

Сейчас же «недоучённый-недохудожник» развалился на высоком стуле совсем не желая менять положение и, если бы не уставшая спина, то точно просидел бы так ещё около получаса, жмурясь от освещения в кофейне. Но, увы, раз уж сказал, что скоро будет дома – нужно идти.

Разлепив веки, парень уставился в потолок, вновь поправляя очки на переносице.

И нет, не то, чтобы зрение у него было очень плохое, просто причиной ношения данного аксессуара послужила постоянная учёбы и огромное количество текста, от которого глаза стали сильно болеть и врач, к которому Ли Сюэ быстренько направил отец, просто порекомендовал

использовать линзы или очки когда тот что-то читает, пишет или просто зависает в интернете. Сначала это весьма раздражало, но потом парень привык смотреть на мир через стекла, и это перестало как-либо надоедать, да и немногочисленные друзья и знакомые говорили, что ему они очень идут. Но и без очков глаза у Ли Сюэ были очень красивые, даже слегка необычные – увы, подобные нюансы неизбежны, если мать деятель генетической науки, ещё и из славящейся подобными «особенностями».

Идеальный миндалевидный разрез глаз, со слегка приподнятыми вверх уголками, благодаря которому, когда Ли Сюэ улыбался, то становился похож на лиса, и радужка очень странного оттенка, который нельзя было назвать ни зелёным, ни серо-голубым: это было что-то между. Оттенок, напоминающий зелёную пастель нефрита Модэ под лучами солнца, что смешался с лазурью кристально чистого зимнего неба или же, как сам их обладатель это называл – ледяной зелёный. Жаль только, что как бы он сам этот цвет не любил – приходилось зачистую прятать его за неприметными карими линзами, ибо лишнего внимания это привлекало достаточно.

Да и вообще, любой человек непременно бы отметил, что парень был очень хорош собой, и это особенно отражалось в каких-то маленьких деталях его внешности: к примеру, маленькая родинка под губой и правым глазом, хорошо заметные на чуть ли не идеальной бледной коже. Да и ко всему этому природа высоким ростом и худым телосложением не обделила, тем самым невольно – что не факт, совсем не факт, – создав претендента на статус «идеала» для многих девушек.

И как зачастую случается с подобными «исключениями», – в обоих смыслах, – собственная внешность была для него не более, чем фактом, иногда полезным, иногда нет. Подобная участь постигла и доставшийся от отца, тщательно тем поддерживаемый и навязываемый социальный статус практически в верхушке общества. Обо всём этом большую часть времени Ли Сюэ никогда не хотел думать, будь у него такая возможность, но и сам где-то в глубине души всегда знал, что как только согласился повторить судьбу и успех Ли Тяня, его жизнь сразу стала полностью расписана и будто бы всё для этого плана уже было готово.

Место в институте, устройство на работу в Дасин, да и вся его карьерная лестница, были прописаны, и свернуть с этого пути он уже не мог: точка невозврата пройдена.

Ещё раз устало вздохнув, Ли Сюэ выпрямился и за один глоток допил оставшийся кофе и тут же недовольно поджал губы: напиток оказался слишком горьким, и либо он забыл попробовать добавить сахар, либо попросту тот забыл размешать. Впрочем, это уже было не важно.

Быстро собрав вещи и расплатившись, парень попрощался с баристой, работавшей тут уже несколько лет, и быстро вышел на улицу, направляясь в противоположную, перестроенную относительно недавно, часть района Цзинъань. Перейдя пару узких улочек старого города, Ли Сюэ добрался до новой части района, застроенной новенькими высотками с офисами и жилыми комплексами.

Солнце уже почти село и огненный свет от звезды мелькал в стёклах и терялся в лёгкой осенней дымке: как-никак сейчас по вечерам сильно холодало. На главной улице в это время было хоть и не так много людей, но, всё равно, шум и множество разных звуков – спутники каждого проходившего тут. Едва заметный гул автомобилей от ближайших дорог будто бы оседал в стенах зданий, от чего казалось, что тут никогда не бывает тихо, особенно ночью.

Что в прошлом, что в настоящем, Шанхай всегда становился другим миром с наступлением темноты. И в этой темноте никогда не знаешь, на какую сторону попадёшь. Один неверный поворот может легко оказаться смертельным, но и эта смерть может быть такой желанной. В подобной ситуации никогда не знаешь исхода и в этом пьяном угаре ни один человек не знал, что же ему делать: поддаться греху или суметь остаться на небесах?..

Ли Сюэ же всю эту шумиху не любил и всегда, вынужденно проходя по главным улицам каждый день, делал музыку в наушниках громче, попросту погружаясь в мысли. В конце кон-

цов, это было чуть ли не единственное время, когда он мог спокойно подумать о чём-то своём. Но, увы, и оно долго не длилось.

Не прошло и пятнадцати минут, как Ли Сюэ уже стоял у квартиры быстренько прикладывая палец к сканеру отпечатка. Тревожить отца, да и вообще говорить с кем-либо, не хотелось, так что парень просто планировал крикнуть простое «Я дома» и уйти к себе в комнату. Раз уж есть вдохновение и желание рисовать, то не стоит его упускать. Особенно, если на это ещё и есть время.

Сегодня, на удивление, действительно ничего его планам и не мешало. Он быстро оставил уличную обувь в прихожей и направился к себе в комнату. Проходя мимо гостиной парень, в знак приветствия, легонько кивнул отцу, который по привычке развалился в любимом кресле и перечитывал какие-то свои записи, в знак приветствия и юркнул в коридор, а оттуда и в комнату.

«Обитель» Ли Сюэ особым дизайном не отличалась. Просторная светлая комната в белосерых тонах без особо большого количества мебели и панорамным окном. Повезло хоть, что явного беспорядка в комнате не было, если, разумеется, не смотреть на стол – куча разбросанных тетрадей с записями; различные листы с зарисовками частей лиц в реализме, вероятно сделанными на уроках; и очередные чертежи и формулы астрофизики.

Ручки, карандаши, пара мелков угля и сангины, где-то подо всем этим завалом валялись листы с информацией по акупунктурным точкам. И всё это можно было перечислять до бесконечности.

Солнце уже село, и, не желая включать основной свет в виде люстры, Ли Сюэ махнул рукой, давая сигнал датчикам включить только два светильника на тумбочках и торшер: была в этом определённая атмосфера.

Скинув кофту на кресло и, одним махом подкинув рюкзак к краю стола, перед этим предусмотрительно выудив из него скетчбук, парень, наконец, буквально упал на стул. Подтянув к себе правую коленку, Ли Сюэ, в позе креветки, вновь принялся за незаконченный рисунок и сегодня это единственное, на что он собирался потратить весь вечер. В конце концов, мелкие рисунки на обрывках листов уже давно ему надоели, и хотелось просто порисовать в своё удовольствие.

А за окном открывался вид на современную часть района Цзиньань. Огромные дисплеи на сверкающих стеклянных фасадах, транслирующие новости и рекламу, украшали здания. На улицах пестрили магазины именитых брендов, а в парках подсветка украшала уже покрывавшиеся золотым узором листья деревьев.

Если смотреть сверху, то весь Шанхай выглядел как нечто, бьющееся в собственном ритме, будто сам этот огромный мегаполис из бетона и стекла был живым.

Только вот, даже если сам город казался живым – не всегда это можно было отнести и к людям.

Полчаса назад, Шанхай, средняя кольцевая магистраль

Вдалеке, на горизонте, виднелся силуэт Хуанпу, застывшего в сумеречном мраке, сгущающимся над багрово-фиолетовым закатом, что уже потухал, словно догорающая свеча. Сумерки, тяжелые и бархатные, окутывали город, но небеса еще не совсем утонули во тьме. Солнце напоследок бросало на асфальт полосы золотого света, отражавшегося в многочисленных стеклах машин, что мчались по средней кольцевой Шанхая, где звук моторов в смеси с гудками, визгом тормозов и криками сирен никогда не прекращался. Фонари, установленные вдоль трассы, подобно ожерелью из бриллиантов, освещали потоки машин. Их свет смешивался с огнями рекламных щитов и вывесок, заставляя водителей порой недовольно щурить глаза.

Время мчалось, а город, казавшийся вечным, неустанно преображался, но всё же что-то так и оставалось неизменным.

Не прошло и двадцати минут, как ночь всё же окутала собой Шанхай, от чего фонари и подсветка заиграли ещё ярче. Люди спешили с работы и линии метро, как и эстакады, оказались вновь переполнены.

Удивительно быстро преодолев транспортную развязку и смешавшись с общим потоком автомобилей, чёрный седан, чья стоимость едва ли не превышала пару миллионов юаней*, выехал на среднюю кольцевую. И, спустя пару минут, за ним увязалось и почти обогнало, такое же чёрное купе, больше напоминающее гоночный спорткар, нежели городской автомобиль.

Не то, чтобы на подобной магистрали сейчас образовывались пробки, но машин всё же было немало, и все спешили по своим делам, от чего каждый так и норовил обогнать «соперника».

И вот очередной герой «токийского дрифта» вновь пронёсся совсем рядом с чёрным купе, едва ли то не подрезав, отчего получил в след нескончаемый поток ругательств от парня за рулём и семь четыре восемь* в придачу.

Впрочем, это единственное, что всю дорогу нарушало тишину в салоне. Музыка уже надоела, а пассажир в роли парня на соседнем сиденье совсем не желал что-либо говорить, а просто тупо уставился в окно и почти уже засыпал.

Атмосфера весьма располагала отдохнуть, пока водитель внезапно не усмехнулся, спрашивая:

– Чего такой грустный? Юнь Ся*, неужели настолько не нравится ездить на пассажирском?

Не ожидавший, что его так внезапно прервут от размышлений о смысле существования, парень слегка вздрогнул, переводя рассеянный взгляд на собеседника.

Чуть меньше минуты пытаюсь осознать, что же вообще от него хотят, и, переходя от мыслей о том, что он делает в этом мире, до того, почему же он такой грустный, Юнь Ся несколько раз быстро зажмурил и открыл глаза, как бы пытаюсь прийти в себя и придумать, что вообще сказать. Но его мозг не додумался только до того, чтобы ответить вопросом на вопрос, причём в крайне саркастичной манере:

– А ты что такой радостный? Насколько доволен тем, что я согласился уступить тебе водительское?

– Да нет, просто настроение хорошее, – пожал плечами водитель, – К тому же, на следующей неделе мы все будем тестировать новую трассу, так что не обольщайся.

После упоминания заезда на следующей неделе Юнь Ся тут же оживился и уже перестал напоминать собой заблудшую душу: привычная для него игривость вернулась вновь. Выпрямив спину и потянувшись настолько, насколько это позволяла крыша машины и его рост, парень окончательно избавился от сонливости, не забыв поправить свою излюбленную свободную тёмно-зелёную ветровку.

– Нань-гэ-Нань-гэ*, всё ещё не оставляешь надежд меня обогнать? – хитро прищутив глаза и растянув губы в фирменной очаровательной улыбке, спросил Юнь Ся.

Несмотря на своё порой даже легкомысленное поведение для двадцати двух лет, выглядел «пассажир» как полная противоположность названному ранее Нань-гэ – холодный и отстранённый, пока, разумеется, не начинал говорить. Ярко выраженные острые скулы, темнокarie глаза феникса*, средние по полноте губы, прямые темные брови, а правая и вовсе была проколота. Волосы тёмные и довольно короткие, за исключением чёлки, наоборот удлиняющейся к лицу с двух сторон и постоянно норовившей загородить обзор, но, при этом, не закрывавшей две серебряные серьги-кольца в левом ухе.

Что же до самого Нань-гэ, точнее Нань Лишэна*, то какой-то особой красотой в свои двадцать восемь он не выделялся, а скорее походил на довольно простого, но, при всём этом,

будто бы надёжного человека. Сильно бледным его было не назвать, а черты лица, кроме чуть заметных скул, никак не выделялись; цвет глаз простой, привычный всем тёмно-карий; волосы – типичные для его внешности – чёрные и уже успевшие чуть отрасти – сразу было видно, что парень за ними не сильно и следил. Да и за всем остальным, судя по всему, тоже: обычные и изрядно потёртые джинсы, белая футболка из немнущегося материала – подарок Юнь Ся, – и накинута на неё непонятного тёмного цвета свободная рубашка, которую, вероятно, последний раз гладили в прошлом веке.

Но на эту лисью мордашку и подкол Юнь Ся, Нань Лишэн лишь снова усмехнулся:

– Не забывай, мы сейчас на твоей машине, не моей.

– Ладно-ладно, молчу... Шантажист, грёбаный, – Юнь Ся недовольно хмыкнув и откинулся на спинку сиденья, скрещивая руки на груди, – За дорогой лучше смотри и Хань Мина* из виду не потеряй: по его делу ведь туда тащимся.

Мысленно ударив себя по лбу за то, что так и не узнал причину крайне необычного пункта назначения, Нань Лишэн тут же поспешил восполнить пробел:

– На этот раз-то что?

– Он от знакомых в полиции услышал, что те бессмертные на одного кретина вышли, и что-то ему в голову ударило проверить и разобраться с этим, – Юнь Ся на несколько секунд замолчал, а затем, вопросительно приподняв бровь, резко спросил:

– Ты не знал что ли, зачем нам в Янпу?

Но Нань Лишэн лишь помотал головой, продолжая следить за дорогой и вновь задумавшись о чём-то своём.

– Ну, теперь знаешь, – парень пожал плечами и быстро огляделся по сторонам, выискивая их спутника, – Стоп, а где Хань Мин с Хэ Цуй*?

– Сначала говорил мне не потерять их, а сам что? – Нань Лишэн цокнул языком, – Направо посмотри.

– Мать твою*, Хань Мин!

Причиной испуга оказался парень, расположившийся за рулём дорогого черного седана в соседнем ряду, что за пару секунд поравнялся с ними. На вид ему было около двадцати трёх лет, а вся внешность напоминала скорее Гао Фушуй*, нежели того, кто мог направляться в Янпу.

Бледное лицо и довольно мягкие черты лица, особенно хорошо заметные при свете от фонарей у магистрали; почти янтарные, глаза, сейчас со странными искорками смотревшие на Юнь Ся; темные прямые брови; а каштановые волосы, часть которых сейчас по части скрывал капюшон тёмно-серой кофты, были осветлены до русых на половине длины прядей, сами же они уложены так, что походили стандартную причёску какого-то айдола.

Девушку на соседнем сиденье – Хэ Цуй – хорошо разглядеть было довольно сложно, да и Хань Мин, отсалютовав двумя пальцами и произнеся что-то одними губами – вероятно, подпевал песне в салоне – нажал на газ и перестроился в ряд для съезда на мост Янпу.

Из-за смога небо над Хуанпу выглядело, словно масляное полотно, замазанное серыми и грязно-желтыми мазками. Шум машин и бесконечные толпы людей – всё это отдавалось вечным гулом в ушах. Но вот только за ним сложно услышать то, что скрывается годами – Янпу – район, хранивший в своих узких улочках дух старого города, но уже с гнилостным запахом разложения и преступности.

Что в прошлом веке, что сейчас этот район остаётся центром криминала, а ночь там – время, когда жизнь величественного Шанхая показывает свою обратную сторону. Утки-мандаринки* окрашивают свои перья в цвет страсти и сотни цветов* распускаются за один миг. Да что уж там они, здесь разные слои общества сливаются воедино: от богатых бизнесменов, приходящих сюда с пачками денег за тайными удовольствиями и адреналином, до бедных людей, желающих лишь забыться под дымом от сигарет и дешёвым алкоголем.

Припарковавшись рядом со зданиями, от которых начинается пешеходная часть района, Нань Лишэн заглушил двигатель и, махнув головой, как бы говоря «Идём», вышел из машины, потягиваясь и разминая уставшие мышцы тела. Юнь Ся не заставил себя долго ждать и, буквально вывалившись из авто, тут же присоединился к небольшой разминке: дорога из Путую в Янпу была не близкой.

– Эй, чего вы ждёте? Пойдём, чем быстрее разберёмся со всем – тем лучше, – прикрикнул Хань Мин, стоящий в нескольких метрах у своей машины вместе с Хэ Цуй.

Как уже не раз подмечал Нань Лишэн, кто-то, а он умел привлекать внимание даже в, казалось бы, совершенно простой одежде – то есть в свободной тёмной кофте с капюшоном; относительно узких, порванные на коленках, чёрные джинсах; простой футболке и кедах ранее уже упоминавшегося в его контексте цвета.

– Именно, сейчас Хань Мин прав. Давайте побыстрее всё закончим, а? – наконец подала голос Хэ Цуй.

Одним своим видом она будто говорила, что её оторвали от заслуженного отдыха, и девушке пришлось крайне быстро собираться: иссиня-черные волосы по плечи растрёпаны; макияжа на лице почти нет, хотя, её относительно милой внешностью он был и не нужен; тёмные глаза казались настолько уставшими, что их не спасала даже подводка и консиллер, который Хэ Цуй наспех успела нанести; помятые белые джинсы и темно-серая футболка, с принтом, напоминающим джинсовую ткань; казалось, единственной вещью, что сейчас выглядело относительно нормально являлась чёрная кожаная куртка.

Однако время действительно поджимало и спустя пару минут все четверо двинулись вглубь района. Перед этим, конечно, Хань Мин успел парой жестов пригрозить небольшой компании уже пьяных парней, вылупившихся на его машину, а после вытянуть из кармана кофты чёрную тканевую медицинскую маску, быстро пряча хотя бы половину лица: вторую скрывал капюшон кофты. Что уж поделать, вот она, тяжёлая судьба сына министра юстиции.

Узкие улочки старых зданий напоминали лабиринт, из которого нет выхода. Ржавые фонари едва освещали лишь начало главной улицы этой части Янпу, а потом тонули в темноте, но ненадолго. Стоило лишь преодолеть тень, как пред глазами, словно яркие мотыльки, появлялись вывески, переливавшиеся неонов и манящим красным светом. настолько ярким, что хочется вырвать глаза до последнего нерва, лишь бы не видеть это мерцание. Но вот где-то начали мигать лампочки – очередные перебои в подаче электричества; элитарные районы с подобным не знакомы.

В переменчивом свету тонули старые электрические провода, опутавшие такие же по возрасту здания. Гул от людских голосов, смешанный с ревом моторов и выкриками уличных торговцев, проносился меж бетонных стен, заполняя воздух едким запахом дешёвой масляной еды, дымом от сигарет, и сквозящей из всех щелей похотью. Янпу, казалось, был пропитан этим. С одной стороны бесконечные бордели, всегда заполненные стонами и желающими съесть кусочек тофу*, с другой – казино, где не было ни одной чистой купюры. В темной подворотне – пристанище наркоторговцев, а асфальт как всегда запятнан кровью: с кем-то свели счёты.

Здесь все носят маски, скрывая свои истинные лица под слоем порока и искусственной красоты. Никто не знает, кто есть кто на самом деле, все могут оказаться далеко не теми, кем казались сначала. Здесь Тайшань-ван* может принять облик Ю Хуана*, а Сиванму* – оказаться обычным гуем*. Но как бы все не прятались, маски ни скроют почерневшие лепестки белого лотоса. Здесь все дозволено, но ничего не прощается просто так. Хоть привычный закон здесь – пустой звук, правила всё же есть, но другие, совершенно другие.

Всё решали лишь связи и деньги.

Имеющие их купались в разврате собственных желаний день за днём, а остальным приходилось лишь оборачиваться на каждую мелькнувшую за углом тень. Выжить в этом хаосе

почти невозможно: слабым здесь места нет, только тем, кто умеет играть по всем правилам криминального мира и не боится упасть. Но как бы в Янпу не было опасно, этот гниющий район притягивал. Только здесь можно было на секунду забыться, но даже за эту секунду приходилось платить, и цена была очень высокой. Но всегда находились те, кто был в состоянии её заплатить.

Хань Мин, в отличие от того же Юнь Ся, не был безродным щенком, а, как раз наоборот, являлся сыном крупного чиновника современного мира. Его отец – министр юстиции – был человеком строгим, но единственного сына любил, из-за чего с самого детства парень буквально купался в деньгах и заботе. Мать его была из богатой корейской семьи и унаследовала одну из дочерних компаний, от чего появлялась дома так же редко, как и её муж, но, когда выдавались выходные, делала всё, чтобы подольше побыть с сыном. Иными словами, с одной только семьёй ему очень повезло.

Когда же пришло время выбирать будущую профессию и вуз, то, на тот момент ещё Хань Лэма*, чуть ли не наугад указал на адвокатский факультет крайне известного университета. И, к собственному удивлению, довольно хорошо окончил учёбу, после чего сразу же получил лицензию адвоката. Только вот свой внезапно открывшийся талант в этой области Хань Мин использовал не для того, чтобы защищать потерпевших от каких-либо преступников, а, наоборот, напрямую или косвенно, стал оправдывать преступную группировку Хэймо*.

Всё это началось около года назад, когда Хэймо были маленькой компанией хулиганов, устраивавших нелегальные гонки на небольших и заброшенных трассах. Тогда главного из тех парней – Юнь Ся – обвинили в воровстве энной суммы денег и уже должны были посадить, но Хань Лэма – молодой адвокат, только получивший лицензию – вмешался в это дело. Никто не понимал, зачем сын министра юстиции взялся за дело вора, но какого же было удивление его отца и общественности, когда на заседании по делу Юнь Ся, «новичок среди юристов» обернул всё так, что судья едва ли помнил, как снял все обвинения с самого настоящего вора и нелегала. Юнь Ся отделался лишь штрафом, да и тот был не таким большим.

Разумеется, после освобождения ничего не понимающий парень сразу же спросил у нового адвоката, напоминавшего яркого представителя типичной золотой молодёжи, зачем тот вообще связался со всем этим и буквально вытащил его из тюрьмы, но ответ оказался ещё более неожиданным.

Заскучав под опекой отца и крышей университета, тот попросту пожелал присоединиться к Юнь Ся и его группе в теме нелегальных гонок. Только вот преступник и глава Хэймо поверил ему в этом далеко не сразу.

Да что уж там поверил, хоть по его поведению это не всегда было заметно, но недоверчивый ко всему, что движется, Юнь Ся поначалу и вовсе думал, что тот шутит и за одно неверное слово упечёт его за решётку на куда больший срок. Но вот только молодой адвокат, стремящийся почувствовать свободу и адреналин в крови, сам нарушил священную клятву юриста, а затем и закон.

Сейчас же Хэймо больше походили на полицию в криминальном мире. Двенадцать человек, сумели прославить там свои имена. В этом списке Хань Мин был девятым, и с его появлением группировка стала частенько разбираться с теми, кто умудрялся переходить чёрту негласных правил криминальных районов вроде Путоу или Янпу. В конце концов, обострённое чувство справедливости Юнь Ся и Нань Лишэна отлично сплелось с множественными знакомствами в полиции, да и самим характером парня, полностью согласного с ними.

Сегодняшний случай не был исключением.

Главное, что презиралось всеми Хэймо – торговля людьми: криминал – есть криминал, но это уже явный перебор.

Очередная красная вывеска мелькнула перед глазами, и Хань Мин резко остановился напротив, вытаскивая телефон из кармана джинсов и сравнивая надпись на фотографии с той,

что была на подсветке. Только убедившись, что это нужное место, вернул телефон обратно и вместо него уже выудил из другого кармана маленькую печатную фотографию.

– Вот, нам нужен он, – указывая на мужчину на фото, произнес парень, передавая распечатку остальным, – Запомните его хорошенько, ошибиться сейчас нельзя.

Но вот только этот командный тон Хань Мина весьма Юнь Ся раздражал и тот молчать не стал, а, вздёрнув подбородок вверх, произнёс:

– Не командуй тут, из нас всех вообще-то я главный.

Хань Мин выгнул бровь, уставившись на того с немым вопросом «А когда я вообще командовал?», и не придумал ничего лучше, чем просто мысленно послать его куда подальше и закончить начатую мысль:

– Как только закончим с этим, поедem куда-нибудь перекусим, я заплачу, – парень махнул рукой и медленно направился к входу в «бар», дожидаясь обиженного и оскорбленного его игнорированием Юнь Ся и Нань Лишэна с Хэ Цуй:

– Да, точно, про маски только не забудьте, хотя бы в гигиенических целях: мерзко ведь.

И он прав: мерзко действительно было.

Подобные заведения всегда были спутниками не только разврата и пестрящей из всех щелей похоти, но считались своеобразной ареной чёрного рынка.

Правило, которое уяснил Юнь Ся ещё чуть ли не с детства – чем богаче человек, тем страшнее его тайные желания. Он никогда не верил ни единому слову политической верхушки или, упасите боги, главе Дасин – самой что ни на есть обычной марионетке, которую правительство использовало лишь для иллюзии некой независимости организации. Жаль, что получалось у них плохо.

Да что уж там Дасин, вся эта чёртова «элита» была уже давно прогнившей кучкой психов с пустыми амбициями и подвешенным языком на слова о благополучии народа, но, увы, не более.

Конечно, многие жители Шанхая, словно такие же правительственные марионетки, вероятно, слепо верили в то, что те действительно пытаются работать на благо процветающего города – подобное можно счесть и за некий успех.

Да как бы не так!

Кому-кому, а Юнь Ся за свою жизнь уже не раз доводилось видеть, как все эти твари плюют с крыш своих обожаемых высоток на судьбу низших слоев населения в Янпу. По новостям говорят – «Полиция активно пытается вновь взять район под контроль», а на деле их тень там не появлялась уже лет десять и то, как минимум! Порой, будучи ещё ничего не знающим подростком, Юнь Ся часто задавался вопросом, почему они никак ничего не предпримут, но в один день правда буквально открыла ему глаза.

Заполненное дымом тесное помещение с неоновое красно-фиолетовое освещением и развевающимися полосами тонкой полупрозрачной ткани. И повсюду там, словно зеркальным эхо, раздавались постоянные стоны и чей-то чертовски мерзкий «аристократический» смех.

Тогда, вместе с Нань Лишэном и Хэ Цуй они впервые застали одного из элиты в Янпу. Этот момент Юнь Ся запомнил очень надолго, в конец концов, не каждый день видишь причину того, почему власти продолжают пускать ситуацию в этом прогнившем районе на самотёк.

Хотя, если бы на самотёк. Эти чертовы мрази не просто оставляли всё, как есть, так и сами не боялись марать руки об тела местных проституток и карты в подвале нелегального казино, неспешно потягивая из хрустальных бокалов заграничный виски!

Многое из этого ада в райском мегаполисе Юнь Ся частенько видел сам и от того, с каждым таким разом, ненавидел эту «элиту» ещё больше. Они называли себя богами, говорили, что возведут страну к величию, а в итоге сами по ночам прятались в эпицентре криминала.

У многих из местных торговцев людьми они, уже став Хэймо, находили тайные записи платежей на нотбуках – стоило отдать должное, прятали их что надо, и без навыков Нань Лиш-

эна отыскать этот сборник компромата было бы трудновато, – с именами постоянных клиентов, среди которых числились многие из политиков, да и просто местных богачей.

Единственные, кого из богатых Юнь Ся не призирал, так это семью Хань – родителей и самого Хань Мина. В конце концов, последний из упомянутых действительно заслуживал доверия и уважения, что в случае с главой Хэймо было крайне сложно получить. Но это было не всё, и спустя время, парень уже мог назвать молодого адвоката своим другом, а это стоило ещё больше. И хорошо, что Хань Мин был из тех, кто мог заплатить за последствия этого.

А небо над Янпу всё так же оставалось запятнано масляными пятнами облаков, напоминающих те пятна позора, что ныне клеймят сотни тел.

И кто знает, может быть, от них ещё можно было отмыться?

Примечания:

*– Старый город – Здесь имеется в виду то, что в наше время считается обычным районом без особо большого количества высоток.

*– Все те фрагменты песни полностью авторские и написаны мной ещё зимой для полноценного трека «Hibiscus flower» и, вероятно, не раз претерпят изменения.

*– Па – Здесь используется один иероглиф «# (bà) из слова „## (bàba) – папа“, здесь адаптировано под русский язык, тк, фактически, в китайском это звучало бы как „Ба“.

*– Ли Сюэ – Имя Ли Сюэ состоит из двух иероглифов «##», что совместного значения не имеют. Первый иероглиф «# (lì)» переводится как «Холодный», «Морозный», а второй иероглиф «# (xiè)» – глагол «Летать». Факт от автора: Обращаясь к сыну на «Сюэ-эр», Ли Тянь произносил не «## (xiè ér)», а «## (xiè ér)», и поскольку «# (xiè)» переводится как снег, а «# (ér)» в подобных обращениях указывает на уменьшительно-ласкательное значение, то это «# (xiè ér)» можно перевести как «Снежок».

*– Кротовые норы – некий пространственно-временной туннель, ведущий из одного края вселенной в другой или, и вовсе в другую вселенную (очень краткое и простое объяснение)

* – Пара миллион юаней – по курсу в 13,26 рублей за один юань, миллион юаней будет примерно 26 520 000 рублей.

* – Семь четыре восемь»### (qī sì bā)» – на китайском сленге «748» будет переводиться как «Иди к чёрту» из-за созвучности с фразой»### (qùsǐba) – Иди к чёрту». В Китае цифры пальцами показывают не так, как у нас, поэтому «748» можно спокойно показать одной рукой, что в данном моменте и сделал Нань Лишэн.

* – Юнь Ся – Имя Юнь Ся состоит из двух иероглифов «## (yùn xiá)». Вместе эти два иероглифа значения не имеют, только по отдельности. Первый –»# (yùn)» –переводится как «судьба» или удача, а второй –»# (xiá)» –означает «Утреннее сияние». Это имя Юнь Ся получил от Нань Лишэна, и выбор иероглифов завязан на прошлом.

* – Глаза феникса – Вид азиатского разреза глаз, в котором внешний уголок глаза чуть приподнят и как бы подтянут к виску.

* – Нань-гэ – «##(nángē)» обращение к старшему, переводящееся в данном случае как «старший брат Нань»

* – Нань Лишэн – Имя Нань Лишэн состоит из трёх иероглифов «### (nán lǐshèng)», которые совместного значения не имеют. «# (nán)» здесь используется просто как иероглиф фамилии и никак не переводится. «# (lǐ)» в этом имени переводится как «темнота», а «#(shèng)» здесь означает «император». Грубо говоря, само имя можно перевести как «император тьмы».

*– Хань Мин – Имя Хань Мин состоит из двух иероглифов «## (hán míng)». Первый иероглиф „# (hán)“ здесь никак не переводится, но служит отсылкой на истинную родину его матери, так может означать „Южная Корея“. „# (míng)“ используется в значении „Династия Мин“ и служит ещё одной отсылкой на происхождение –одной стороны Корея, с другой –Китай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.